

DOI: 10.31696/S086919080034930-0

ПРАЗДНИЧНАЯ ДВОРЦОВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ: ТРАДИЦИЯ,
УНАСЛЕДОВАННАЯ СТАМБУЛОМ ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.
ЧАСТЬ 1

© 2025

М.И. ЯКУШЕВ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0003-5740-2430; m_yakushev@mail.ru
m.i.yakushev@ivran.ru

Резюме: Статья посвящена описанию древней дворцовой церемонии почитания и «обожания» османского падишаха как наследника византийских императоров, заимствованная у ромейских василевсов и адаптированная к восточному и исламскому обычаю. Примечательно, что Византия как продолжательница Римской империи, могла органично впитывать в себя как некоторые иранские, так и семитские традиции, в частности, когда это касалось дворцовых приёмов.

В историографии закрепилось мнение о восточном происхождении этих форм церемониального поведения. Церемония входа архонтов в тронный зал, начинавшаяся ранним утром, иногда после утренней службы в храме, проходила в замедленном темпе, в строгом ранжировании чиновников по их значимости в императорском окружении. Великолепие костюмов – ярких цветов парча и шелк, богатый декор – также должно было четко соответствовать церемониальному регламенту. Основная часть дворцового приема была полностью отдана «спектаклю» прославления василевса.

После завоевания Константинополя в мае 1453 года и падения Ромейской (Византийской) империи вместе с титулом «цезаря римлян» османский падишах adoptировал и основные элементы византийского дворцового этикета и протокола.

Общая картина традиционных для императорских приемов форм прославления василевса была унаследована османским двором в дни таких торжеств, как восшествие султана на престол, а также на Малый и Большой исламские праздники.

При сравнении церемониальных традиций сразу угадывается не только сильное влияние византийского дворцового протокола на церемониал султанского двора, но и своего рода преемственность в проведении праздничных ритуалов.

Ключевые слова: султан Абдул-Меджид, дворцовый церемониал, коленопреклонение, целование ног, Сераль, Топкапы

Для цитирования: Якушев М.И. Праздничная дворцовая церемония: традиция, унаследованная Стамбулом от Константинополя. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 160–170. DOI: 10.31696/S086919080034930-0

FESTIVE PALACE CEREMONY: A TRADITION
INHERITED BY ISTANBUL FROM CONSTANTINOPLE

© 2025

Mikhail I. YAKUSHEV^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0003-5740-2430; m_yakushev@mail.ru
m.i.yakushev@ivran.ru

Abstract: *The article is devoted to the description of the ancient palace ceremony of veneration and “adoration” of the Ottoman Padishah as the successor of the Byzantine emperors, borrowed from the Royal Basileos and adapted to the Eastern and Islamic customs. It is noteworthy that Byzantium, as the successor of the Roman Empire, could organically absorb some Iranian and Semitic traditions alike, especially when it came to palace receptions. The theory of the Eastern origin of these forms of ceremonial behavior is widely accepted in historiography. The archons’ entrance ceremony into the throne room, which began in the early morning, sometimes after the morning service in the church, was slow-paced, with a strict ranking of officials according to their importance in the imperial entourage. The main part of the palace reception was completely devoted to the “performance” of the glorification of Basileus. After the conquest of Constantinople in May 1453 and the fall of Byzantium, along with the title of “Caesar of the Romans”, the Sultan adopted the basic elements of Byzantine palace protocol.*

The general pattern of the honoring ceremonies for the monarch traditional for imperial receptions was inherited by the Ottoman court during such celebrations as the Sultan’s accession to the throne, as well as main Islamic holidays.

Comparing the ceremonial traditions, one can immediately notice not only the strong influence of the Byzantine palace protocol on the ceremonial of the sultan’s court, but also a continuity in the conduct of festive rituals.

Keywords: Sultan Abdul Majeed, palace ceremonial conventions, kneeling, foot kissing, Serail, Topkapı

For citation: Yakushev M.I. Festive Palace Ceremony: A Tradition Inherited by Istanbul from Constantinople. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 160–170. DOI: 10.31696/S086919080034930-0

Османская империя, принадлежавшая к великим державам Средневековья и Нового времени, старалась подчеркивать свой авторитет как внутри государства, так и за его пределами всеми имеющимися средствами государственной идеологии и пропаганды, демонстрацией силы армии и флота, искусством и совершенством дипломатии, ослепительной роскошью султанского дворца. Однако к середине XIX в. «Высокое Османское государство» (*Devlet-i Aliyye Osmâniyye*)¹ продолжало переживать затяжной политический и экономический кризис. Чувствуя значительную зависимость от отношения к себе со стороны европейских держав, усилия султанского дворца были ориентированы прежде всего на создание в стране атмосферы стабильности и ощущения благополучия, потому и носили зачастую декоративный характер. Этой цели в немалой степени служил и дворцовый церемониал, представлявший собой систему сложившихся и ставших традиционными ритуалов презентации власти, который был призван (по примеру Византийской империи)

¹ «Высокое Османское Государство» (*Devlet-i Aliyy-i Osmâniyye*) – официальное наименование Османской империи.

транслировать идею могущества «Высокой и Блистательной Порты» (как европейцы величали «Высокое» османское правительство и «Блистательную» империю) в условиях глубокого кризиса на внутривластной и внешнеполитической аренах.

Находившийся в 1852 г. в османской столице французский писатель Теофиль Готье² в книге «Константинополь»³ описывает, как жители османской столицы отмечали священный для мусульман месяц *Рамазан* (араб. *Рамадан*) в османской столице и праздник (*байрам*⁴) окончания исламского поста и наступления разговения – *Ураза-байрам*⁵. Это был самый главный из двух праздников в исламе. В эти три праздничных дня *байрама* каждый мусульманин (равно как и в «Большой праздник» *Курбан-байрам*⁶) облачался в самые нарядные одежды; в городе звучала веселая музыка, царило праздничное настроение, устраивались массовые гуляния. «Малый праздник» (*Ид аль-фитр*) и «Большой праздник» (*Ид аль-адха*) занимали важное место в религиозной, общественной и культурной жизни не только простых мусульман-османлы, но и султанского двора. Ид аль-фитр был главным праздничным торжеством в *Серале*⁷ после тронной церемонии *джулюс*⁸ («Восшествие на трон»), знаменующей переход престола к новому правителю и принесение ему присяги на верность (рис. 1)⁹. Обычно *джулюс* совершался еще до погребения покойного падишаха. Сначала избранный шехзаде отправлялся на поклонение «мантии» пророка Мухаммеда в сокровищнице, затем принимал поздравления великого визиря (*садразам*) и великого муфтия (*шейх-уль-ислам*)¹⁰. Затем он выходил во Второй двор, садился на золотой трон и принимал поздравления всех сановников и придворных. Согласно турецким источникам, чин интронизации проходил довольно однообразно. Ее участники подходили к новому султану, совершали поклон, целовали ему руку, а самые младшие чины – подножие трона. Наличие трона и церемонии интронизации нового падишаха вкпе имели особое значе-

² Готье Пьер Жюль Теофиль (1811–1872) – известный французский писатель-романист, поэт, журналист («король фельетона») и критик романтической школы.

³ На базе отосланной Готье в парижскую типографию из Стамбула серии статей и фельетонов в Париже была издана его книга «Константинополь», выдержавшая два издания – в 1853 и 1856 гг.

⁴ *Байрам* (тур. торжество, праздник) – один из двух главных праздников в исламе – *Ураза-байрам* и *Курбан-байрам*.

⁵ *Ураза-байрам* (араб. *Ид аль-фитр*) – праздник завершения поста и окончания месяца Рамадан. Турки его также называют *Кючук-байрам* («Малый праздник») либо *Шекер-байрам* («сладкий праздник»), а арабы – *Ид сагир* («Малый праздник»). Праздновался во дворце Топкапы до 1866 г., а с 1867 г. (за исключением двух праздничных церемоний, проходивших во дворце Ыылдыз в правление султана Абдул-Хамида II) он проводился в Большом (Церемониальном/Тронном) зале – *Муайеде* (*Муайеде Салону*) нового дворца Долмабахче. При Абдул-Хамиде II и после его низложения в 1909 г. эти два церемониальных исламских праздника отмечались в упрощенной форме при сохранении основных их элементов.

⁶ *Курбан-байрам* (араб. *Ид аль-адха*) – праздник жертвоприношения и окончания хаджа, отмечаемый через 70 дней после *Уразы-байрама*. Арабы именуют его как *Ид кабир*, а турки – *Буюк-байрам* («Большой праздник»). Он праздновался в течение 4 дней.

⁷ *Сераль* (ит. *Serraglio*; фр. *Sérrail*, *Sérial*; англ. *Seraglio*/ от тур. и перс. *Saray*) – так европейцы именовали султанский дворец Топкапы с внутренними покоями (гарема) падишаха, откуда в 1853–1854 гг. султан Абдул-Меджид переехал в новый дворец Долмабахче, после чего Топкапы стали именовать уже *Эски Сарайе* («Старым дворцом»).

⁸ *Джулюс* (тур. *Cülûs*; араб. *аль-Джулюс*) – интронизация; тронная церемония в Османской империи, первый из церемониальных обрядов при возведении султана на трон. Происходила сразу после смерти предыдущего султана, смысл церемонии в принесении присяги на верность (*аммажа*) падишаху представителями трёх групп: военных, исламского духовенства и чиновников.

⁹ Рис. 1–6 см. на цветной вклейке.

¹⁰ Великий (верховный) муфтий Османской империи обладал титулом *шейх-уль-ислам* (тур. *Şeyhülislam*). В религиозном плане считался вторым человеком в государстве после халифа. «Это своего рода мусульманский папа» – делает неудачное сравнение Готье [Gautier, 1856, p. 251–252]. Его жалование равнялось жалованию садразама.

ние, поскольку без этого атрибута власти и обязательной публичной процедуры джюлюса любой принц-шехзаде из многочисленной династии Османов мог объявить себя султаном и создать предпосылки к смуте и двоевластию в стране.

В Османском теократическом государстве, как и в Византии, во главе стоял правитель-султан, объединявший в себе императорский титул падишаха, тюркские царские регалии хана, хакана, а также титул главы всех мусульман – халифа (наместника пророка Мухаммада). Поэтому исламские праздники были важны не только с религиозной точки зрения, но и с точки зрения демонстрации величия османского властелина, ведь в те времена власть монарха измерялась не только военной мощью, но и великолепием дворцов и их пышными церемониями.

Впервые порядок проведения этих праздников во дворце был определен султаном Мехмедом II Фатихом (Завоевателем): в своде османских законов (*Фатих кануннамеси*) были определены конкретные высокопоставленные лица, которым надлежало присутствовать на дворцовых праздниках с участием восседающего на троне падишаха.

Именно в первый день «Малого праздника» (*Ид аль-фитр*) во дворце Топкапы утраивалось самое пышное торжество с приглашением на него османских сановников, высших гражданских и военных чинов, верхушки исламского духовенства и учёных мужей. Эту дворцовую церемонию турки-османы именовали то «Праздничным поздравлением» (*Муайеде*¹¹ *Алаи*¹²), то «Официальным поздравлением с праздником» (*Муайеде Ресми-и Хумаюн*), то просто *Ресми-и Муайеде*. По закону Мехмеда Фатиха; после праздничной молитвы в Софийской мечети празднество разворачивалось во Втором дворе Серая, на «площади Дивана»¹³ («Диван-и Мейданы»), где размещался высший административный орган империи – «Диван-и Хумаюн» – зал заседаний высших сановников с участием падишаха. Там устанавливался на шёлковом ковре церемониальный трон под навесом «Ворот Счастья» (*Баб-ус-Саадет*)¹⁴. Садразаму, визирям, великому муфтию и главному казначею предписывалось в то время целовать руку падишаху, другие поздравлявшие целовали края его шубы, положенный на трон ее рукав и подножие трона [Кауа, 2024, р. 117–118].

Султанский протокол с течением времени видоизменял эту поздравительную церемонию в зависимости от пожеланий падишаха, поэтому в XVII, XVIII, XIX и в начале XX вв. она видоизменялась, но с сохранением ее основных элементов.

В Османской империи Ураза-байрам и Курбан-байрам праздновались с особым размахом и весельем. Это касалось как Стамбула, так и дворца Топкапы, где дважды в год на протяжении веков устраивались праздничные поздравления великого сеньора¹⁵.

Утром 1 шавваля султан совершал утреннюю молитву Фаджр в сокровищнице «Зале Святых реликвий» Эндеруна. Затем из императорской сокровищницы выносили церемониальный императорский трон (*тахт-и хумаюн*) и устанавливали его на персидский ковёр под массивным карнизом «Ворот счастья». Приглашенные на церемонию в Сераль сначала совершали утренний молебен в Софийской мечети, а затем отправлялись Диван-и-Хумаюн, где ожидали выхода падишаха. По завершении утреннего молебна и чтения Корана па-

¹¹ *Муайада* (араб.), *Муайеде* (осм.) – поздравление с праздником; визит с праздничным поздравлением.

¹² *Алаи* (тур.) – шествие, церемония.

¹³ *Диван* («*Dîvân-ı Hümâyûn*») – высший исполнительный орган при османском дворе. Здание Диван-и Хумаюн или *Куббеалты*, по сути, находится под тремя куполами. Один из этих трех куполов является совещательным залом, где собираются члены дивана.

¹⁴ «Врата счастья» (араб. *Баб-ус-Саада*; тур. *Баб-ус-Саадет*, *Баб-и Саадет*, *Тахт Капысы*, *Арз Капысы*) – через них лежал путь в Эндерун (во внутренние султанские покои), куда никто не имел право войти без личного разрешения султана, даже садразам.

¹⁵ Великий сеньор или великий повелитель (фр. *Le Grand Seigneur*; англ. *Grand Seignior*) – так европейские дипломаты и писатели почтительно именовали османского падишаха.

дишах переходил из сокровищницы в *Арз Одасы* («Зал аудиенций/петиций»), а затем по сигналу церемониймейстера (*теширифатджи-эфенди*) выходил из «Ворот счастья», и мас-совое поздравление (*муайеде-и-умум*) начиналось [Якушев, 2014]. У трона стоял читавший молитвы потомок пророка (*накыб аль-ашраф*)¹⁶, который при виде падишаха и халифа, приветствовал его. Во время всей церемонии играл оркестр (*мехтерхане*). В адрес стоявшего у трона султана войска проскандировали традиционную здравицу многолетия. Накиб аль-ашраф удалялся, и султан садился на трон. Справа за спиной падишаха стоял главный черный евнух (*кызлар-агасы*), а слева – оруженосец (*силахдар-ага*). Если на тот момент в Стамбуле находились представители крымской ханской династии, то они располагались слева от трона, рядом со стоявшими принцами-*шехзаде*. Вдоль левого крыла «Ворот трона» выстраивались *пеики* (гвардейцы-алебардщики).

Историк Эрхан Афьончу пишет, что первым подходил к трону великий визирь, затем *кадиаскеры*¹⁷ и визири императорского дивана¹⁸, которые целовали края шубы падишаха. При приближении к трону султан вставал. Сановники рангом пониже: *баиш дефтердар* (главный казначей), *реис-уль-куттан* (обер-секретарь) и другие участники церемонии довольствовались целованием *суппедиона*¹⁹. Шейх-уль-ислам отвечивал поклон халифу и целовал ему руку [Afyoncu, 2016]. Исследователь Явуз Бахадыроглу сообщает практически те же сведения [Yavuz, 2015]. Однако турецкие историки не указывают первоисточник, что существенно снижает достоверность их информации.

Другое дело сведения венецианского байло в Стамбуле Оттавиано Бона²⁰, жившего в османской столице в 1603–1607 гг. в правление султана Ахмеда I и фиксировавшего каждую мелочь, происходившую в Серале. Он пишет, что садразам после поздравления вставал по правую сторону от трона и в ходе подходов визирей называл падишаху имена тех, кто более всего соответствовал занимаемой должности в диване с тем, чтобы султан обратил на отличившихся свое внимание. Среди всех присутствовавших Ахмед I «особо выделял своим благосклонным отношением и почтением троих своих подданных: шейх-уль-ислама и двух кадиаскеров» [Bon, 1996, p. 114].

После того, как церемониймейстер целовал подножие трона, султан поднимался с трона и удалялся во внутренние покои гарема, где переодевался, чтобы возглавить праздничное шествие (*Байрам Алаи*) на молебен в мечеть. Как правило, на Ид аль-фитр падишах молился в Софийской мечети, а на Ид аль-адха – в мечети Султан Ахмет. Когда султан не мог участвовать в церемонии из-за болезни, то на трон возлагался императорский тюбан султана, и церемония проводилась перед тюбаном [Кауа, 2024, p. 119].

Приглашенные переходили через средние ворота *Орта капы*, или *Баб-ус-Селям* («Ворота приветствия»), в Первый двор. Султан выходил из Эндеруна через «Ворота счастья» под навес, садился на подвешенного скакуна, упряжь которого заранее украшалась золотом, жемчугом и драгоценностями и выезжал на «Парадную площадь» (*Алай Мейданы*), где к нему присоединялись остальные участники шествия в мечеть (рис. 2). Дорога между «Императорскими воротами» и мечетью была посыпана песком, чтобы облегчить передвижение лошадей. Выхав из Баб-и Хумаюн, султан заезжал во двор Софийской мечети, где у

¹⁶ *Накыб аль-ашраф* – глава сообщества потомков пророка Мухаммада.

¹⁷ *Кадиаскер*, *казаскер* – должность верховного судьи по военным и религиозным делам, введенная в Османской империи в середине XIV столетия. Их было два – кадиаскер Румелии и кадиаскер Анатолии.

¹⁸ После Танзимата императорский диван был преобразован в султанский совет.

¹⁹ *Суппедион* – особый постамент в виде заниженной табуретки или подушки, украшенной двуглавыми византийскими орлами. Относился к атрибутам власти василевсов и султанов (но уже без орлов).

²⁰ Оттавиано Бон – венецианский посол (байло) в Стамбуле с 1604 по 1607 г., где он фиксировал каждый аспект жизни во дворце Топкапы.

коновязи с него снимали сапоги и надевали *папуши*²¹. Там же великий визирь приветствовал спешившегося падишаха, преклонив колени и поцеловав землю. Халиф заходил в мечеть вместе с садразамом и янычарским агой (*еничери-агасы*), доводившими его до императорской ложи (осм. *махфил-и хумаюн*, тур. *хюнкар махфил*, араб. *аль-максура*), в которой молился султан. По завершении намаза праздничная кавалькада возвращалась в Сераль и останавливалась перед «Воротами Приветствия». Падишах въезжал на коне во Второй двор к «Тронным воротам» и удалялся в свои покои, где принимался за обед в одиночестве, как, впрочем, он делал это и во все другие дни. По его приказу во Втором дворе Сералья организовывали трапезу для всех участников церемонии. Визирям, пашам и знатым гостям подавали роскошный обед в *Куббеалты*²², а для остальных гостей на «Площади Дивана» накрывали пир горой. После обеда падишах отмечал праздник в кругу семьи, разослав подарки (*байрамлык*) родным, придворным, военным, духовенству и служащим дворца [Afyoncu, 2016; Von, 1996, p. 114–115].

Существует всего несколько визуальных изображений некоторых эпизодов церемониала поздравления султана в Ид аль-фитр, однако практически все они безымянны, без указания дат и лет, за редким исключением (рис. 3). Судить о том, когда это произошло, можно весьма приблизительно, глядя на одежду и костюмы участников торжества – до Танзимата (конец XVIII – начало XIX в.)²³ или в танзиматный период.

В середине XIX в. одному из европейских гостей, присутствовавших на церемонии поздравления султана с Байрамом, удалось лицезреть и описать ее в реформированном, танзиматном варианте, когда великий визирь вместо обычного целования руки или края мантии султана, как фиксирует турецкая историография, целовал сапог султана вместе с первыми лицами государства. Удивительно, но упоминания об этой традиции не удалось обнаружить ни в османских, ни турецких, ни даже в европейских источниках, тогда как существует многочисленный визуальный ряд ногоцелования, запечатлённого на гравюрах и рисунках в средневековой османской рукописи Хюнернаме XVI в., которая хранится в единственном экземпляре в музее дворца Топкапы.

К счастью, наблюдать эту удивительную церемонию от начала до конца довелось французскому путешественнику, записавшего ее в деталях. В отличие от замороженных от этого зрелища зрителей, он присутствовал на церемонии не как абстрактный созерцатель, а выступал, скорее, в роли летописца, фиксируя в своей памяти все основные эпизоды церемониала и телодвижения его участников. Правда, из-за невладения староосманским и турецким языками он по неведению «окрестил» увиденное «церемонией целования ног» (фр. *la cérémonie du baise-pied*) султана, к которой допускались лишь первые лица государства. Подобная форма поздравления правителя демонстрировала султану не только верноподданнические чувства целовавших, но и свидетельствовала о степени близости их к фигуре падишаха. Европейские зрители взирали на эту церемонию, как на диковинку, усматривая в этом несколько другой смысл: чем выше был статус при дворе, тем ниже его обладателю приходилось падать ниц пред стопами своего властелина.

Естественно, возникает вопрос: была ли эта традиция сугубо тюркского происхождения или же она досталась туркам-османам «по наследству» от поверженных ими августейших

²¹ *Папуши* – домашняя мягкая обувь без задника, обычно изготавливавшаяся из желтого сафьяна (2-я половина XVII в.). В 1-й половине XIX в. – вид сафьяновых полчулок (типа бахил), которые европейские посетители надевали при входе в мечети на свои туфли или сапоги, чтобы их не скидывать. Турки же наоборот снимали туфли или сапоги, оставляя их у порога, и надевали папуши.

²² *Куббеалты* – место на площади «Диван-и Хумаюн» в Серале, где визири обсуждали государственные дела.

²³ *Танзимат* («реорганизация», «перестройка») (1839–1876 гг.) – широкомасштабная программа реформ по европейскому образцу, провозглашенная султаном Абдул-Меджидом 3 ноября 1839 г., затронувшая все стороны жизни страны.

римских императоров, почетный титул которых – «цезарь римлян» (*kaisar-i rum*) – перешёл к османским императорам.

Предметом настоящей работы и станет исследование этой древнейшей дворцовой традиции, которую Теофил Готье детально воспроизводит в своей книге «Константинополь» (в главе «Байрам»), а российский художник польского происхождения Станислав Хлебовский фиксирует один из ее ключевых моментов в этюде «Сцена с Султаном». Правда, у Хлебовского на холсте участники церемонии поздравляют уже не Абдул-Меджида, а Абдул-Азиза, занявшего в 1861 г. престол после смерти своего старшего брата (рис. 4)²⁴.

В центре всех дворцовых церемоний разных эпох всегда находилась фигура восседающего на троне правителя, почитание и прославление которого составляло доминанту всех исполняемых во дворце ритуалов. Предтечу праздничных церемоний османского дворца легко найти в длинном церемониальном списке императорского двора в византийских источниках, главными из которых являются «Трактат о должностях» Псевдо-Кодина [Pseudo-Kodinos, 1976, p. 129–287] и «Книга церемоний» эпохи Константина VII Багрянородного (X в.) [Constantini Porphyrogeniti imperatoris, 1829, p. 410–432].

Описанный там наиболее древний из ритуалов почитания правителя состоял из *проскинезы*²⁵ с последующим *аспасмом*²⁶. Восходя к традициям Древнего Рима, эти две формы прославления императора обозначались общим для них словом «обожание» (также «поклонение») – *adoratio*. Выполняя проскинезу в качестве добровольного акта приветствия монарха, приближающаяся к нему персона как бы демонстрировала всем присутствующим своё высокое положение при дворе и достоинство, свидетельствующее о его особой важности. Проскинеза являлась не только признанием над собой власти монарха, но и почетной привилегией, поскольку некоторые, в том числе и иностранные гости (венецианцы), могли быть лишены этого права [Поляковская, 2011, с. 140].

В историографии существует устойчивое мнение о восточном происхождении этих форм дворцовых церемоний. Так, исследователь византийского церемониала Р. Гийан написал по этому поводу: «Поклонение, как кажется, было заимствовано у двора царей Персии и оставалось обычаем Византийской империи вплоть до последних дней» [Guilland, 1967, p. 144–150]. Аналогичную точку зрения разделял А. Грабар: «Византийцы были наследниками поздней Римской империи, которая сама происходила из эллинистических государств, а они, в свою очередь, претерпели влияние иранских и семитских монархий. Эти наблюдения можно свести к тому, что церемониальное прославление и почитание несомненно восходит к традициям древнеперсидской монархии» [Grabar, 1971, p. 211].

Как бы дополняя эти предположения, Г.А. Острогорский в труде «Византийское государство» пишет: «Император... – избранник Божий и в качестве такового – не только государь и повелитель, но и олицетворение врученной ему Богом христианской Империи.

Вознесенный над земной человеческой сферой, он стоит в прямых отношениях с Богом и становится объектом своеобразного политико-религиозного культа. Изюм дня в день этот культ практикуется при императорском дворе во впечатляющих церемониальных действиях при участии духовенства и всего штата придворных. Он находит свое выражение во всяком изображении, которое воспроизводит христолюбивого владыку, на всяком предмете, который окружает его священную персону, в каждом слове, которое он произносит публично

²⁴ Станислав Хлебовский (1835–1884) – выдающийся российский художник. Родился в селе Покутинцы Подольской губернии Российской империи. Учился в Одесской рисовальной школе до 1853 г. С 1853 по 1859 г. продолжил обучение в Санкт-Петербургской императорской Академии художеств. С конца 1864 по 1876 г. он жил и работал придворным художником у султана Абдул-Азиза в Стамбуле, после низложения и убийства которого был вынужден покинуть османскую столицу.

²⁵ *Проскинеза* / *проскиниза* (др.-греч.) – коленопреклонение или земной поклон.

²⁶ *Аспасм* (др.-греч.) – ритуал аспасма предполагал целование ног или колен.

или которое говорится ему. Подданные суть его рабы. Всякий раз, когда им позволяется лицезреть его, все они, не исключая и наиболее высокопоставленных, приветствуют его посредством проскинезы, простираясь перед ним ниц. Все же великолепие византийского придворного церемониала, так же, как и выражающееся в нем императорское всемогущество, имеют свои основы в римско-эллинистическом мире. Из этих основ, пронизанных восточными элементами, вырастает особая роскошь византийского императорского двора и те намекающие на их восточное происхождение черты Византийской империи, которые впоследствии получают еще более сильное выражение благодаря заимствованиям с Востока – у империи Сасанидов и арабского халифата» [Острогорский, 2011, с. 68–69].

Любопытно, что после завоевания державы Ахеменидов, Александр Македонский попытался ввести проскинезу и у себя в царстве. Однако, если для азиатских подданных Александра этот обычай был в порядке вещей, то для греко-македонского окружения царя такой тип почитания и прославления был попросту неприемлем, поскольку в обществе эллинов и македонян данный ритуал воспринимался как унижение их достоинства. Не удивительно, что данное нововведение Александра так и не прижилось при его царском дворе.

В Римской империи лишь с установлением *домината*²⁷ при Диоклетиане проскинеза, как и у Ахеменидов, стала вновь означать преклонение римлян перед цезарем. С принятием христианства как государственной религии в правление императора Константина I Великого проскинеза в дворцовом церемониале на некоторое время утратила свою значимость, поскольку царь земной не мог быть равным Царю Небесному – Иисусу Христу. Акт коленопреклонения применялся в это время преимущественно лишь при введении в должность (интронизации).

Византийская судьба этого церемониала начинается со времени правления Юстиниана I Великого. По Прокопию Кесарийскому, все сенаторы и патрикии в присутствии императора и августы тотчас падали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги. В такой распростертой позе в люнете над Императорскими воротами Софии Константинопольской запечатлено мозаичное фигуративное изображение кающегося василевса Льва VI Философа, павшего ниц в проскинезе пред стопами восседающего на троне Иисуса Христа как «Царя царствующих и Господа господствующих» (рис. 5).

Обобщая содержащиеся в сочинении Псевдо-Година сообщения о правилах приема генуэзцев, можно заметить, что в ритуал входили в различных вариантах обычные и для приема византийской знати элементы: поклон, пожелание долголетия, целование и прославление. Все эти элементы «генетически» восходят к ритуалу приемов римскими императорами – от падения ниц (*adoratio*) до целования ног, рук, одежды (*purpurum adorare*), но характерны уже для позднего периода Византийской империи [Поляковская, 2011, с. 228].

В церемониальной книге Псевдо-Година коленопреклонением перед императором начинался и заканчивался каждый из пяти наиболее значимых дворцовых приемов – *парастасисах*²⁸: в честь праздников Рождества Христова, Богоявления Господня, Пальмового (Вербного) воскресения (*вайи*), Великого Воскресения Пасхи Христовой и праздника Святого Духа [Поляковская, 2011, с. 201–202]. Проскинеза была непременным элементом церемониального поведения архонтов наряду с праздничными торжествами на всех императорских *парастасисах*.

²⁷ Доминат (лат. *dominātus* – господство, *dominus* – господин, хозяин) – форма правления в Древнем Риме, установленная императором Диоклетианом (284–305 гг.) взамен принципата. Так обычно обозначают период истории Древнего Рима с III по V в. н.э., или период «поздней античности» или «поздней империи».

²⁸ *Парастасис* (др. греч.) – императорский прием с соответствующими дворцово-парадными ритуалами; (новогреч.) – театральное представление.

Любопытно, что могущественный правитель мамлюкской династии («выходцев из рабов») Делийского султаната Гияс-уд-дин Балбан²⁹ возродил при своем дворе древнеперсидский ритуал *саджда*³⁰, при совершении которого придворные обязаны были припасть к ногам султана, касаясь лицом земли в знак признания величия монарха, и в таком положении исполнить *пайбос*³¹, то есть поцеловать стопы правителя, прилюдно признавая таким образом полное господство правителя над собой. Хотя мусульманские придворные внутренне не принимали это чужеземное нововведение, публично им приходилось обозначать смирение пред ликом властолюбивого и жестокого правителя, выбившегося в султаны из турецких рабов. Отменить этот уничижительный ритуал удалось лишь императору Акбару Великому, третьему падишаху династии Великих Моголов³².

В эпоху Палеологов, на фоне упадка международного престижа империи и системного кризиса в слабеющем государстве в поздневизантийскую эпоху, вокруг императора формировалась особая атмосфера сакрализации. Если в последующее за коленопреклонением на приемах «боготворение» с провозглашением полихроний («многая лета, многая лета!») была заложена идея земной жизни василевса, то *теофания*³³ касалась уже идеи вечности императорской власти [Поляковская, 2011, с. 204]. При рассмотрении далее дворцовой церемонии поздравлений османского султана, как мы увидим, разыгрывается та же самая сцена.

В 30-х гг. XV столетия Ромейская (Византийская) империя находилась в глубоком упадке как из-за внутривосточных неурядиц, так и из-за внешнеполитических угроз, исходящих от набирающего силу Османского государства, взявшего в кольцо осколок, оставшийся от некогда мощнейшей христианской империи. На завоеванных ромейских территориях хозяйничали османские власти, а православные монахи на османском Афоне в ектениях возглашали имя своего нового «государя императора» – султана Мехмеда II.

Угроза потерять последние осколки Византии с ее столицей вынудили василевса Иоанна VIII отправиться на поклон к папе Римскому Евгению IV, чтобы заручиться его гарантиями в деле оказания военной и финансовой помощи Византии для отпора нашествию войска Мехмеда II. С этой целью в Царьграде Иоанн VIII Палеолог собрал представительную православную депутацию, в которую, помимо Константинопольского патриарха Иосифа II и епископов Константинопольской церкви, вошли по два полномочных представителя от Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. 24 ноября 1437 г. византийская делегация на восьми расписных кораблях пустилась в плавание,

²⁹ Гияс-уд-дин (Гиясуддин) Балбан (1266–1287 гг.) – также известен как Бахауддин, девятый султан мамлюкской династии Делийского султаната. Он был регентом мамлюкского делийского султана Насера-д-Дина Махмуда I Шаха, после смерти которого в 1266 г. провозгласил себя султаном Дели. Его настоящее имя было Бахауддин. Он был турком-илбарийцем. В юности был захвачен монголами в плен и продан в рабство суфию из Басры, который привез его в Дели в 1232 г. вместе с другими рабами, купленными Илутмишем.

³⁰ *Саджда* (араб. *ас-саджда*) – земной поклон, является одним из обязательных элементов намаза. Мусульманин, совершая земной поклон, обязан прикоснуться к земле семью частями тела: лбом/носом, ладонями (или кулаками), коленями, пальцами ног, касаясь земли лбом и носом, выражает тем самым свое преклонение перед Аллахом.

³¹ *Пайбос* (араб. *байбос*) – целование ног монарха. Балбан настаивал на том, чтобы его придворные и приближенные совершали саджду и пайбос в знак признания господства над собой. Восточный ритуал саджда и пайбоса у мусульман мало чем отличался от византийских ритуалов проискинезы и аспасма.

³² Акбар Джалал-ад-дин Мухаммад (1542, Синд – 1605, Агра), третий император (1556–1605 гг.) династии Великих Моголов.

³³ *Теофания* (греч. Θεοφάνια) – атмосфера боготворения на императорских приемах. Дворец издавна воспринимался как святыня, а тронный зал – как сакральное пространство.

бросив 4 марта 1438 г. якорь в гавани г. Феррара, где их ожидал папа Евгений с группой лояльных ему латинских епископов³⁴.

Патриарх Константинопольский, запросившийся на встречу папы Римского с императором Иоанном VIII Палеологом, был обескуражен встречным предложением своего «римского собрата» Евгения IV поцеловать ему туфлю в начале аудиенции в знак признания верховенства папы над православным первоиерархом, имевшим одинаковую с ним титулатуру «первого среди равных» (лат. *Primus inter pares*). Не удивительно, что патриарх Иосиф II решительно отверг условие папы Евгения, заявив: «Если папа – преемник апостола Петра, то мы (иерархи Восточно-Православных церквей. – М.Я.) – преемники других апостолов. А прочие апостолы лобызали ли стопу Петру? Кто слышал это?» [Дашков, 1997, с. 315]. В итоге Евгению IV пришлось снять свое требование к Иосифу II, уступив православной делегации лишь этот первый пункт, зато в остальном он предельно ясно дал понять, кто здесь хозяин. Православным иерархам стали задерживать выплату обещанного содержания, на приемах им и даже василевсу выделяли места, не подобающие их статусу.

Естественно, что православный первоиерарх воспринял папское условие поцеловать туфлю как оскорбительную попытку главы Римско-Католической (Латинской) церкви признать примат над Восточными Православными церквями. Даже в ходе важнейших парадных императорских приёмов, парастасисах, а также во время богослужений патриарх мог целовать василевса в уста и окуривать его ладаном, но не выполнять проскинезу с аспасмом. Православной делегации было очевидно, что затея папы носила уничижительный характер не только для архиепископа Константинополя, но и для византийского императора.

Что же до папы Евгения IV, то он вовсе не испытывал угрызения совести за столь дерзкое предложение, поскольку руководствовался положениями «Диктата папы»³⁵ Григория VII (1075 г.), преемники которого добивались и политического примата даже над монархами Латинского мира, «ибо папа, а не император, – глава христианского мира» – заявляли они. Церемония поклонения папе совершалась двояким способом: коленопреклонением или целованием ноги, обутой в туфли с блестящим на них золотым крестом, всегда украшавшим обувь католических первосвященников [Брифо, 1998, с. 149].

Поход на поклон к папе Римскому и заключение с ним Ферраро-Флорентийской унии в 1439 г. не принесли желаемых результатов: обещанная папой Римским финансовая и военная помощь так и не поступила в осажденный Константинополь. Византийский император Константин Палеолог погиб от рук османов во время штурма Царьграда в 1453 г., его царский византийский трон занял османский султан Мехмед II Фатих (Завоеватель), перенеся столицу своего султаната из Эдирне (Адрианополя) в Константинополь (рис. 6). Новый мусульманскому правителю надлежало принять под свое покровительство огромное число иноверных ромеев (бывших подданных Византии), не только унаследовав титул их погибшего императора, но и заимствовав многие византийские традиции, в частности дворцового церемониала. О том, какую форму приобрел этот дворцовый церемониал к середине XIX в. в условиях упадка Османской империи и кризиса абсолютистской власти падишаха, будет изложено во второй части настоящего исследования.

³⁴ Во время заключения унии Римско-Католическая церковь переживала очередной период «двоепапства»: последний исторический антипапа Феликс V стал претендовать на папство с 1439 по 1449 г. в противостоянии папам Евгению IV (1431–1447 гг.) и Николаю V (1447–1455 гг.).

³⁵ Всего насчитывается 27 основных положений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бриффо Э. *Тайны Римского двора XIX столетия*. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998 [Briffault E. *Le secret de Rome au XIXe siècle*. М.: TERRA – Knizhny klub, 1998 (Russian translation)].

Дашков С.Б. *Императоры Византии*. М.: Издательский дом «Красная площадь», «АПС-книги», 1997 [Dashkov S.B. *The Emperors of Byzantium*. Moscow: Izdatelsky dom “Krasnaya Ploschad”, “APS-knigi”, 1997 (in Russian)].

Острогорский Г.А. *История Византийского государства*. Пер. с нем. М.В. Грацианского. М.: Сибирская Благозвонница, 2011 [Ostrogorsky G.A. *A History of the Byzantine State*. M.V. Gratsiansky (tr.) М.: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2011 (in Russian)].

Поляковская М.А. *Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти»*. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2011 [Polyakovskaya M.A. *Byzantine Palace Ceremonial of the 14th Century: “The Theater of Power”*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011 (in Russian)].

Якушев М.М. Церемониал приема российских дипломатов у султана и великого визиря в российско-османских отношениях конца XVIII века. *Международная жизнь*. 2014. № 10. С. 177–190 [Yakushev M.M. The Ceremony of Reception of Russian Diplomats by the Sultan and the Grand Vizier in Russian-Ottoman Relations in the Late 18th Century. *Mezhdunarodnaya Zhizn*. 2014. No. 10. Pp. 177–190 (in Russian)].

Afyoncu E. Ayasofya'da bayram namazı. *Sabah*. 03.07.2016. <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/erhan-afyoncu/2016/07/03/ayasofyada-bayram-namazi> (accessed: 02.09.2024).

Bahadiroglu Y. Yeni Akit. Arefe ve Bayram Muayedesı. *Yalan Yazan Tarih utansin*. 16.07.2015. <https://www.yalanyazantarihutansin.org/osmanli/arefe-ve-bayram-muayedesı-h8848.html> (accessed: 12.08.2024).

Bon Ottaviano. The Sultan's Seraglio. An Intimate Portrait of Life at the Ottoman Court (From the Seventeenth-Century Edition of John Withers). G. Goodwin (ed.) London: Saqi Books, 1996.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae. E rec. J.J. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829.

Gautier Th. *Constantinople*. Nouvelle Édition. Paris, 1856.

Grabar A. Pseudo-Kodinos et les cérémonies Pseudo-Kodinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle. *Art et société a Byzance sous les Paléologues : Actes du Colloque organise par l'Association Internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968*. Venise: Stamperia di Venezia, 1971.

Guilland R. *Recherches sur les institutios Byzantines*. Vol. I. Berlin; Amsterdam, 1967.

Kaya S. *Transformation of the ceremonial usage from the Topkapi to the Dolmabahçe palace in the nineteenth-century*. Thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences. Ankara, Turkey. August 2024.

Pseudo-Kodinos. *Traité des offices*. J. Verpeaux (ed., tr.) Paris, 1976.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ЯКУШЕВ Михаил Ильич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Mikhail I. YAKUSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Иллюстрации к статье М.И. Якушева

Рис. 1. Константин Капидаглы. Церемония джүлюс (восшествия на трон) султана Селима III во время аудиенции перед Вратами Счастья в 1789 году. Холст, масло. Музей Топкапы, Стамбул
Fig. 1. Konstantin Kapıdaglı. Jülüs ceremony (Enthronement ceremony) of Selim III who is holding an audience in front of the Gate of Felicity. 1789. Topkapı. Oil on canvas. Topkapı Palace Museum, Istanbul

Рис. 2. Церемония пятничного приветствия султана при выезде из дворца Топкапы
Fig. 2. Ceremony of Friday greeting of the Sultan at the exit from the Topkapı Palace

*Рис. 3. Османский Стамбул. Праздничное торжество во дворце Топкапы по случаю Байрама.
Приблизительно 1800 год*

Fig. 3. Ottoman Istanbul. The Eid Celebration in the Topkapı Palace on the Morning of Eid, circa 1800

Рис. 4. Станислав Хлебовский. Сцена с Султаном. Национальный музей в Кракове
Fig. 4. Stanisław Chlebowski. Scene with the Sultan. National Museum in Kraków

Рис. 5. Император Лев VI в проскинезе перед Иисусом Христом. Фигуративная мозаика в люнете нарфика Софии Константинопольской над Императорскими воротами

Fig. 5. Emperor Leo VI bowing in proskinesis before Jesus Christ. Figurative mosaic in the lunette of the narthex of Hagia Sophia of Constantinople above the Imperial Gates

Рис. 6. Восшествие на престол Мехмеда II в Эдирне в 1451 году. Музей Топкапы, Хазин. Рукопись Хюнернаме 1523 года. Неизвестный османский художник

Fig. 6. Accession of Mehmed II in Edirne, 1451. Topkapı Palace Museum, Hazin. Hüner-name, 1523. Unknown Ottoman painter